Ленинградская Правда
гор. Ленинград
2 9 ИЮЛ 1962

К ИТОГАМ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

ВСТРЕЧА АКТЕРСКИХ ПОКОЛЕНИЙ

Едва ли сегодня можно представить себе театр, нормально работающий в расущий, без целеустремленной, яркой и творчески одаренной режиссуры. Режиссерская мысль в замысловом единстве, режиссерское умение привести к художественному единству все выразительные средства театра уже давно стали основой всякого сколько-нибудь заметного успеха. И, кстати, едва ли прав был знаменитый французский актер и режиссер Жан Вилар, утверждавший, что «единственный гений перевешивает из дуэт актера в дуэт постановщика». Каждый новый театральный год и каждый новый значительный спектакль приносят нам новые доказательства того, что «сценический гений» по-прежнему живет в душе актера и что вот у современных режиссеров более верного пути к успеху, чем пути, проходящий через актерский талант, актерский ум и актерское сердце.

Глубокое, истинно правдивое творчество актера всегда воспринимается, как чудо и как открытие. Ради этого чуда, вероятно, тысячи тысяч людей ходят в театр и остаются ему верными даже в наше время, время широкоформатных фильмов и телевидения, магнитофонов и уникальнейших кинопанорам. В Ленинграде насчитается каждый вечер сотни тысяч телезрителей, и, несмотря на это, наши театры не жаловались в прошедшем году на отсутствие зрителей. Не будут они жаловаться и в будущем, если только сумеют и дальше радовать нас яркими актерскими талантами, сценическими образами, в которых мы узнаем новые для нас и неоспоримую правду жизни.

На памяти у многих наших зрителей времена, когда то ли по небрежности и разиндушию театральных руководителей, то ли из-за ограниченности репертуара подолгу безмолвствовали и вымахивали мастера нашей сцены и талантливая, едва начинавшая свой артистический путь молодежь. Сейчас положение в этом отношении резко изменилось, хотя и не уверен в том, что такие актеры, как Николай Симонов или Ольга Казико, Василий Меркурьев или Александр Борисов, не могли бы были представлены в вышешнем репертуаре более широко и разнообразно. Что же касается молодых актеров, то до отдать нашим театрам должного все чаще и чаще появляются на сцене в ответственных и наших ролях и, с честью исполняя и сценическое содружество с умудренными опытом мастерами. Можно сказать с уверенностью, что все интересные поколения выступают сегодня на театральных подмостках в едином строю, шагая не тесня друг друга.

В спектакле Академического театра драмы имени А. С. Пушкина «Друзья и годы», где играют такие яркие зрелые мастера, как А. Борисов и Ю. Толубеев, где отчаянная работа показала уже обладающие немалым сценическим опытом А. Шуйский и И. Горбачев, В. Медведев, особое внимание обратил на себя молодые актеры Ю. Родионов и Е. Миллер, и не просто тем, что успешно справились с поручанными им ролями. Привлекла в их исполнении непринужденная смешность интересных образов, провозглашена и в сценическом рисунке подлинность их интонации. Это в особенности относится к исполнению Ю. Родионовым роли молодого юриста Вадима Гладкого. Актер надлежа Аллине редкой душевной ясностью и чистотой обаятельности и ненавязчивой, но не лишенной душевной силой. Автору удалось едва ли не самые трудные — внушить зрителям веру в скрытые душевные богатства своего героя, и, по возможности черты его, которые бы могли непосредственно проявиться в сценическом действии.

Успех Родионова отнюдь не особый начинается от православных актерских школ А. Шуйского и В. Медведева, на долю которых достались едва ли не самые сложные роли роли Надежды и Державина. В каждой новой пьесе А. Шуйский показывает свой мастером отточенный актерский графизм. Он находит очень верные, выполняющиеся внешние штрихи для обрисовки внутреннего склада своих героев. Ее Надежда в сцене одного спектакля — неуклюжа, вторжение, недадачливое существо, которое постепенно и последовательно на картины и картине превращается в чрезвычайно обаятельный, полный внутренней силы и своей, внешний рисунок роли не тускнеет, не расшаривается, а, напротив, приобретает все более сложным психологическим содержанием.

Внешне мастера, не отрицание и не сегрегие изнутри, становится изобиливым и даже бесцельным: однако в мастерстве внутреннее, не подкрепленное точной и безотказной актерской техникой, теряет свою цену. Только единство их приносит автору подлинный успех. Таким единством отмечен и исполнение Т. Дорошиной роли Надежды в спектакле Большого драматического театра имени М. Горького «Мои старшая сестра». Образ этой талантливой и самостоятельной девушки, с таким трудом пробившей себя, раскрывается актрисой и в Надеждой сосредоточенном, трудном молчании, в сосредоточенном, жизненно ходя обращенном взгляде и в неожиданных, бурных и иной раз вызывающе грубых вспышках ее темперамента. Надежда в Дорошиной воспринимаю в достаточна и полна до краев веселым девичьим оворством: она то стесняется сделать при посторонних лишнее движение отной, то в простенке прикрывает с мальчишеству недовольство и пошлости бросается танцевать перед гостями, полным которыми ей с ней в доме в качестве возможных женихов не безвкусно отстойный от жизни и наносящий в предрассудках дядя.

В работе Дорошиной особенно радостна ее учтивая и смелая, подлинно современная по своему смыслу психологическая точность. Здесь нет и не может быть трали между внутренней серьезностью и юмором, у героев драматургии и чуть заметной усмешкой по его адресу. Не нужно, чего доброго, думать, что наш современник не умеет или не может отлично и больше мужественных чувствам всерьез, переживать большие душевные потрясения по большому счету. Подопрешать его в этом было бы по меньшей мере несправедливо. Однако красоваться своими переживаниями как, чем более, искать сочувствия — не в его натуре. Потому-то и посмеивается в нем горьком часы своей жизни, потому-то и [illegible] неожиданными его неходом из одного эмоционального состояния в другое.

Творческое своеобразие описываемого актера в немалой степени определяется тем, что в нем сливаются врожденно условность и правда. На сцене Театра комедии мы встречаемся в том сезоне «Спасения крокодил» Дюрома Клати «Милый обманщик». В пьесе этой и несколько непонятной форме мешаются вместе пародия и анализ, и диалоги, переходящие в монологи, рассказана история многолетней любви и дружбы одного англичанина Бернарда Шоу и чванливой актрисы Патрик Кемпбелл. Двум, всего только двум актерам — Елене Юнгер и Анне Ивановой пришлось принять на себя трудность исполнения этой тонкой и мастерски построенной пьесы.

Главная трудность заключалась для них в том, что им пришлось на сцене общаться не только друг с другом, но и с многочисленными зрителями, к которым обращаются в пьесе по ходу действия и миссис Кемпбелл и мистер Шоу. Пьеса написана так, что герои не не только действуют в данный момент, но и вспоминают, не только беседуют друг с другом, но и остаются наедине с собой. Клати воспользовался для своей пьесы подлинной переписной Шоу и Кемпбелл и при построении диалогов почти не отступал от текста писем. Играть такую пьесу очень трудно, и чем не менее Е. Юнгер и А. Колесов с виртуозной легкостью, изящностью и все той же психологической точностью исполняли ее. В их игре сквозь достоверность слов правды и условность, глубокого душевного переживания и насмешливого театрального притворства, счастливое сочетание фантазии и реальности.

В спектакле «Добрый человек из Сычуани» это сочетание в еще большей степени видно самим драматургом Бертольдом Брехтом. Создавая свою философскую притчу, в которых беспощадно обличаются самые страшные закономерности собственнического мира, Брехт мечтал об актере, глубоко и страстно мыслящем, способном донести до зрителей всю сложность радужной автора и его умоизлечений. От актрисы, исполняющей в «Доброй человеке — Сычуани» роль проститутки Шен Те, требуется в равной степени и сложность правдиво наполнить на сцене образ доверчивой и беспорыстной пушки, чья обращенная в ней доброжности делать добро, и умение поступать его меру бодрыпи и чарствующих, которые противились в ее выполнении «двоюродным братом» Шуй Та, не психологическим антиподом двойника.

Н. Мамаевой, исполняющей ту и в спектакле Театра имени А. С. Пушкина, удалось не только воплотить два противоположных характера, но и сделать это совершенно разными, выполняющимися внешними и даже обрисовки внутреннего склада своих героинь. Ее Надежда в первом спектакля — неуклюжа, вторжение, недадачливое существо, которое постепенно и последовательно на картины и картине превращается в чрезвычайно обаятельный, полный внутренней силы и своей, внешний рисунок ниже не тускнеет, не расшаривается, а, напротив, приобретает все более сложным психологическим содержанием.

Внешне мастера, не отрицание и не сегрегие изнутри, становится изобиливым и даже бесцельным: однако в мастерстве внутреннее, не подкрепленное точной и безотказной актерской техникой, теряет свою цену. Только единство их приносит автору подлинный успех. Таким единством отмечен и исполнение Т. Дорошиной роли Надежды в спектакле Большого драматического театра имени М. Горького «Мои старшая сестра». Образ этой талантливой и самостоятельной девушки, с таким трудом пробившей себя, раскрывается актрисой и в Надежде